

УДК 327.8; 316.3

Р. В. Федоров, Л. А. Пафомова*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ

Рассматривается значение геополитических парадигм и возможность их реализации основными акторами глобальной политики в условиях перехода от монополярного к полицентричному миру. Анализируются отношения между великими державами, их содержание и значение в мировой политике сегодняшнего дня. Обосновывается положение, что в условиях конфронтационного противостояния приоритетность полицентричности позволяет в исторической перспективе учитывать не только интересы великих держав, но и интересы региональных акторов. Дана характеристика сложившегося в мире статус-кво и места в нем России. Показано, что концептуальное обеспечение принципов взаимодействия между основными субъектами мировой политики приобретает не только научно-теоретическое, но и прикладное значение в процессе формирования и организации геополитического пространства.

Полицентричный мир, стратегия, великие державы, геополитические интересы, геополитические парадигмы, международные отношения

Процессы глобализации, которые объективно меняют характер взаимоотношений между основными субъектами, определяющими геополитическую конфигурацию мира, являются предметом не только научно-теоретического осмысления, но и объектом их реального политического воздействия. Принципы, которые лежат в основании средств, используемых для достижения приемлемой для основных акторов модели мироустройства, основываются на геополитических парадигмах, определяющих предпочтительный характер динамики мирового развития.

Международное сообщество неоднородно. Оно формируется из акторов с несовпадающими интересами, обладающими разным весом и влиянием, ставящих перед собою различные цели. Геополитические парадигмы определяют глобальное видение перспектив развития отношений в мире в интересах конкретных субъектов, вовлеченных в процессы установления мирового порядка. Они обуславливают способы выработки эффективной геостратегии для достижения стабильной и устойчивой системы распределения ролей в динамически меняющемся мире, которая позволила бы надежно гарантировать реализацию собственных национально-государственных интересов.

Характер взаимодействия между основными игроками, определяющими ход и направление развития исторического процесса, во многом зависит от возможности реального учета расстановки сил в мире. Оценка собственных возможностей влияния на меняющуюся международную обстановку базируется на геополитических концепциях, в которых зафиксировано понимание глобальных задач, стоящих перед конкретной страной. На тактическом (по меркам истории) уровне способы их решения для достижения поставленных целей определяются в концепции национальной безопасности.

Количество субъектов, способных корректировать степень влияния на ход истории, всегда было ограничено. Как правило, под ними подразумеваются великие державы. Этот

статус предполагает возможность оказывать непосредственное воздействие на международные процессы даже в случае прямой невовлеченности в конкретный конфликт или наоборот, в процесс становления политического сближения региональных держав. Эффективность воздействия зависит от многих факторов. Прежде всего это существующий военный и экономический потенциал. Методы и способы воздействия могут меняться в зависимости от понимания значимости данного воздействия великой державой и наличия политической воли к осуществлению этих мер. В любом случае они будут производны от принятой государством концепции национальной безопасности, которая даже не обязательно должна быть формализована в виде официального документа, так как понятие «государственный интерес», сформулированное еще Макиавелли, никто не отменял.

Многомерность международных процессов и конфликтов при большом числе субъектов, вовлеченных в них, приводит к необходимости дифференциации степени вовлеченности в конкретные ситуации. Мера воздействия ограничена ресурсами, которые готовы задействовать страны для достижения такого вектора развития ситуации, который будет выгоден для них. Невозможность участия во всех возможных в данный момент конфликтах и столкновениях интересов субъектов межгосударственных отношений как раз и констатирует отсутствие у любого государства нелимитированных ресурсов. Поэтому степень вовлеченности великих держав, а следовательно, и потенциал, задействованный для разрешения конкретных исторически сложившихся отношений в выгодном для себя русле, будет определяться интересами национальной безопасности в широком диапазоне от культурно-идеологического и до научно-технического, причем вовлеченность в конфликт не обязательно предполагает активное вмешательство для его ликвидации или сглаживания. Наоборот, иногда более выгодно принимать позицию стороннего наблюдателя, поддерживая *status quo* противоборствующих сторон, заставляя их по факту тратить ресурсы при сохранении своих.

Статус великих держав был первоначально закреплен за Россией, Англией, Австрией, Пруссией и Францией по итогам Венского конгресса в 1815 г. Появление на мировой арене «Европейского концерта» означало не только возможность принимать судьбоносные для многих стран решения, но и добиваться их выполнения. Главным результатом такого подхода была необходимость согласовывать стратегию действий между великими державами с учетом интересов каждой из них. Само понятие «концерта» имплицитно подразумевало общие правила игры, выход за границы которых невозможен. Это не означало полное внутреннее единение между ними по всем международным вопросам и отсутствие противоречий внутри «концерта». Внутри самой структуры постоянно шла борьба за место «первой скрипки» и изменения статуса, влияющего на распределение политических ролей при принятии окончательных решений.

Фундаментом для построения такой системы был однопорядковый социально-политический статус ее участников и, соответственно, общий интерес в сохранении монархии как способа управления. В мировоззренческом плане единство достигалось признанием значения определенных канонов взаимодействия между государствами, изложенных И. Кантом в работе «К вечному миру».

«Европейский концерт», являясь формой гегемонии великих держав по отношению к остальным государствам, впервые показал способность к объединению весьма разнородных игроков на геополитическом поле, благодаря чему на европейском континенте на несколько десятилетий был установлен мир. Ряд локальных войн (например, между Пруссией

и Францией) не меняли общей картины. Это показывает эффективность подхода учета баланса сил в сочетании с территориальным суверенитетом участников соглашения.

Надо учитывать, что подобное сочетание стратегических интересов было эффективно для конкретного исторического периода XIX в. В границах «цивилизационных государств» Европы правила в целом соблюдались. Поэтому реализация геополитических амбиций вне этой зоны (расширение колониальных территорий) не было связано с обязательствами соблюдения европейских стандартов межгосударственных отношений.

Накапливающиеся со временем расхождения в ценностях, конкуренция империй за сферы влияния на мировой арене к началу XX в. завершились Первой мировой войной. Разрешение противоречий в понимании великими державами своих стратегических интересов и способов их достижения перенеслись на поле боя, где победители и определили новую расстановку сил и правила игры.

Первой, по настоящему всемирной организацией, которая по замыслу ее создателей должна была предотвращать конфликты между субъектами международного права, была Лига Наций. Основанная после окончания Первой мировой войны, несмотря на провозглашенные в ее уставе принципы, она в итоге не смогла предотвратить и тем более разрешить даже региональные конфликты. Наглядным примером может служить решение своих стратегических задач Японией, которая в начале XX в. вошла в список великих держав. Являясь одной из стран-учредителей Лиги Наций, она оккупировала Манчжурию и в 1932 г. создала на ее территории марионеточное государство Маньчжоу-Го. После отказа Лиги Наций признать Маньчжоу-Го Япония в 1933 г. просто вышла из ее состава, чем де-факто показала реальную неспособность Лиги к каким-либо консолидированным действиям для обуздания агрессии.

С одной стороны, неэффективность Лиги Наций можно объяснить рядом просчетов при ее создании. Это, например, исключение из ее членов германского блока, поскольку он потерпел поражение в войне. При этом «Европейский концерт» включил в свой состав Францию, которая в то время оказалась в ситуации, аналогичной Германии. По идеологическому принципу организаторы проигнорировали СССР как равноправного субъекта в международных отношениях до 1934 г. и после 1939 г., не вошли в Лигу и США, которые в силу внутренних политических предпочтений отказались от интеграции с ней. С другой стороны, полноправные участники Лиги Наций реально не могли изменить расклад сил на международной арене, поскольку реальные меры воздействия на нарушителей устава организации возможны только при консолидации усилий великих держав, а не путем голосования формального большинства членов. Это и подтвердилось впоследствии при формировании антигитлеровской коалиции, когда общие стратегические интересы стран совпали при решении конкретной задачи достижения победы во Второй мировой войне.

Сразу после окончания Второй мировой войны состав великих держав претерпел существенные изменения. По вполне понятным причинам Германия и ее основные союзники (Италия и Япония) по факту потеряли этот статус. На тот момент реально отвечали основным характеристикам великой державы СССР, США и Великобритания. Формально тот же статус имели Китай и Франция. При образовании в 1945 г. ООН именно за этими государствами был юридически закреплен этот статус; с тех пор они являются постоянными членами Совета Безопасности.

Изменение политической картины мира после 1945 г., появление региональных государств, способных отстаивать свои национальные интересы, вызывало необходимость их учета великими державами. Однако корректировка механизмов как оперативного, так и стратеги-

ческого реагирования на региональные и международные кризисы была во многом предсказуема и позволяла достигать стабильности миропорядка в целом. Две сверхдержавы (СССР и США) и возглавляемые ими военно-политические блоки (ОВД и НАТО) определяли биполярное устройство мира. Не только непосредственные члены блоков, но и страны, формально не входящие ни в один из них, вынуждены были корректировать свои геополитические стратегии с учетом глобальных интересов великих держав.

Достигнутый баланс сил в биполярном мире справедливо называют одним из самых главных принципов формирования внешней политики великих держав. В границах своих полномочий они могут отстаивать собственные стратегические и оперативные интересы, используя право вето в Совете Безопасности. Возможность наложения вето любой из этих стран как раз и призвано было быть тем механизмом, который заставляет учитывать геополитические интересы всех государств, и этот принцип закреплен в Уставе ООН.

В условиях биполярного мира деятельность ООН как самостоятельного субъекта, способного находить и претворять в жизнь решения по урегулированию геополитических конфликтов, была малозначительной именно в смысле понимания ООН как организации, которая может автономно выступать в роли независимого арбитра в решении мировых проблем. Окончательное понимание системы коллективной безопасности и способов ее достижения определялись стратегическими или тактическими приоритетами великих держав. Несмотря на функциональную ограниченность ООН как самостоятельного субъекта, эта организация выполняет роль аттрактора, благодаря чему за время ее существования не произошло ни одной войны между великими державами.

В современных условиях возрастания роли региональных держав, а следовательно, и увеличения диапазона представлений о параметрах будущего миропорядка и способов его конструирования, особое значение приобрела проблема лидерства. Уход с мировой арены СССР и исчезновение ОВД повлекло за собой и переформатирование и расклад сил на политической карте мира. В этой ситуации США стали позиционировать себя как безусловного глобального лидера в обозримом будущем. В лапидарном стиле это сформулировал Барак Обама: «Америка должна лидировать на мировой арене. Если мы не будем это делать, то никто не будет. Соединенные Штаты будут использовать военную силу в одностороннем порядке при необходимости, когда наши основные интересы требуют этого... Хотя мнение международной общественности очень важно, но Америка ни у кого не будет спрашивать позволения на защиту своего народа, своей земли и своего образа жизни» [1]. Такой подход фактически лишает другие страны возможности следовать по собственному пути развития, если они не в состоянии противопоставить весомые аргументы, позволяющие им ограничить геополитические амбиции США в своем регионе.

Как средство, позволяющее компенсировать перекося в методах принятия односторонних решений, в XXI в. ряд государств (Индия, Бразилия, Япония и др.) неоднократно поднимали вопрос об увеличении числа постоянных членов Совета Безопасности ООН. Европейский Союз так же попытался в известной степени консолидированно усилить свое влияние в ООН. В отличие от других региональных организаций, с которыми ООН лишь сотрудничает, он закрепил за собой в резолюции Генеральной Ассамблеи прерогативу участия в работе ООН [2]. Но в любом случае Совет Безопасности всегда будет являться элитарной структурой с ограниченным числом участников. Даже в нынешнем его составе возможности воздействия политического руководства стран, которые входят в Совет, различаются по потенциалу и степени влияния на процессы современной мировой политики. Увеличение численности

стран, обладающих правом вето, может привести в итоге к негативным последствиям из-за возможного регионального, коалиционного или культурологического дисбаланса.

В противовес США, позиционирующим себя в качестве безальтернативного лидера в решении геополитических проблем, Россия и КНР в июльском 2017 г. совместном заявлении акцентируют внимание на эволюционировании современной международной системы к полицентричности. «В ходе реформы СБ ООН следует уделять приоритетное внимание расширению представительства и права голоса развивающихся стран, чтобы широкий круг малых и средних государств имел больше возможностей для участия в работе и принятии решений Совета Безопасности на основе принципа ротации» [3]. Расширение права голоса не предполагает, что немаловажно, право вето. Несмотря на имперское поведение США, окончательно утвердить ситуацию монополярности в современном мире не удалось. Как подчеркнул Си Цзиньпин, «в условиях сложной и изменчивой международной обстановки Китай и Россия, будучи крупными державами, проявили чувство ответственности, прилагая усилия к политическому урегулированию острых проблем, и сыграли роль «балластного камня» в обеспечении стабильности и мира как в регионе, так и во всем мире». [4]

Геополитические интересы великих держав и ведущих региональных акторов характеризуются сложным переплетением обратных связей и многообразием ситуационных переменных в динамически меняющемся мире. В этом случае потенциал нескольких совместно действующих акторов при решении конкретной исторической проблемы (или ее предупреждении) будет суммироваться. Поэтому в совместном заявлении РФ и КНР особо подчеркивается, что «стороны единодушно выступают против смены режима в любой стране путем незаконного вмешательства извне, а также экстерриториального применения государствами норм национального права в нарушение международного права» [5].

Такой подход позволяет надеяться не доминирующим на мировой арене странам не стать объектом гуманитарной оккупации с целью изменения внутренних или внешних приоритетов своего развития под воздействием коалиций, придерживающихся иных социокультурных норм и использующих в манипулятивных целях инструменты ООН. Реальные политические действия, направленные на смену не удобного по каким-либо параметрам существующего режима в выбранной в качестве объекта воздействия стране, могут «прикрываться» доктриной об «ответственности по защите». Основные положения этой доктрины были приняты в 2005 г. на Всемирном саммите Организации Объединенных Наций. В докладе Генерального секретаря ООН (2009) подчеркивается, что «мы готовы предпринять коллективные действия, своевременным и решительным образом, ...если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» [6, с. 4]. Трактовка ситуации, когда национальные власти «очевидно не в состоянии», носит исключительно субъективный характер. Она создает условия для произвольных действий, оправданных необходимостью оперативного реагирования заинтересованных акторов. Наглядной иллюстрацией может служить резолюция Совета Безопасности № 1973 от 17.03.2011 г. по Ливии [7]. Введение в стране бесполетной зоны для защиты гражданского населения парадоксальным образом привело к бомбардировкам НАТО, а позже и к наземной операции для свержения режима Арабской Джамахирии.

Отсутствие одобрения СБ ООН на применение военных вариантов решения проблем также не может служить в будущем абсолютной гарантией от односторонних действий

заинтересованных акторов. При формировании внешнеполитического курса, когда военный, экономический и ситуационный расклад баланса сил в мире позволяет надеяться на односторонний выигрыш, официальные правила и нормы могут не приниматься в расчет. Подтверждением такого сценария развития событий является интервенция США в Ирак в 2003 г. Администрация Дж. Буша, сопоставив гарантированный отказ Совета Безопасности ООН санкционировать применение военной силы против Ирака и возможный выигрыш от изменения структуры целого региона, приняла решение на вторжение. Это прямо нарушало устав ООН. Предполагаемые в будущем геополитические дивиденды перевесили даже противоположную точку зрения со стороны Германии и Франции.

В отношении Сирии также предпринимались попытки легитимизировать через структуры ООН подготовку разрешения на прямое силовое решение, позволяющее убрать правительство Башара Асада на основе доктрины «ответственности по защите». В январе 2012 г. в заявлении Специального советника Генерального секретаря ООН по предупреждению геноцида прямо утверждалось, что «Правительство Сирии явно не в состоянии защитить свое население» [8]. Изменение баланса сил не позволяло повторить вариант прямого силового воздействия, поэтому необходимо было найти повод, оправдывающий правомерность его применения. В этом случае Россия продемонстрировала соответствующий ресурс, который заставил снять требование смены правительства Сирии с повестки дня.

Стратегия на формирование системы однополюсного мира, когда одна великая держава в лице США обладает правом безоговорочного доминирования и определяет способы и цели его развития, оказывается несостоятельной. В условиях конфронтационного противостояния приоритетность полицентричности в отношениях между великими державами позволяет в исторической перспективе учитывать не только их собственные интересы, но и интересы региональных акторов. В противном случае, как указывает в своей статье для журнала «The National Interest» Робер Мэри, «война между Россией и Западом кажется практически неизбежной. Ни одна уважающая себя страна, которая находится в безжалостном кольце враждебно настроенных соседей, не будет терпеть такое давление вечно. В конце концов ей придется защитить свои интересы военной силой. ...Западные вторжения в традиционные сферы влияния России ...являются крайне провокационной и дестабилизирующей политикой» [9].

Признавая, что в результате структурных сдвигов за последние 15 лет главенствующая роль США и Западной Европы уменьшилась, а позиции основных конкурентов Америки значительно улучшились, западные аналитики не видят в этом принципиального изменения в глобальной расстановке сил. «Неправильно видеть в этом изменении переход от однополярности к многополярности, поскольку настоящей многополярности в ближайшее время не будет» [10]. По их мнению, когда три главных геополитических конкурента (Россия, Иран и Китай) объединили свои усилия в поддержку «кровавого режима» в Сирии, Вашингтон должен нести основную нагрузку по обеспечению «глобальной стабильности» и процветания в мире.

БРИКС – весьма влиятельное сегодня объединение региональных держав, постепенно усиливающих свои позиции на международной арене. На саммите БРИКС в сентябре 2017 г. недвусмысленно было подчеркнuto, что необходимо создать более справедливый и рациональный мировой порядок. «Пусть услышат наш единый голос и предупреждения по вопросам международного мира и развития, – подчеркнул Си Цзиньпин. – Именно этого ждет от нас международное сообщество, этого требуют и наши общие интересы» [11]. Страны БРИКС не пытаются создать некое единое пространство по аналогии с идеей «Общего дома Европы». Они лишь констатируют, что совместный экономический и военно-политический потенциал позволяет реально отстаивать согласованные общие интересы и цели.

В 1990 г. была предпринята попытка осуществить демонтаж конфронтационных блоковых отношений в Европе. Совместно с США и Канадой 22 европейских государства подписали Парижскую хартию. В ней были обозначены контуры нового европейского порядка, провозглашалась свобода выбора любой страной собственного пути развития, уважение суверенитета государств и самобытности культур на основе «единства в многообразии». В перспективе построение «Общего дома Европы» привело бы к появлению общего культурного, экономического и политического пространства. «Эра конфронтации и раскола Европы закончилась. Мы заявляем, что отныне наши отношения будут основываться на взаимном уважении и сотрудничестве» [12, с. 1]. В реальной жизни по прошествии более 27 лет от Хартии не осталось и следа. Оптимистическое заявление «теперь, когда над Европой занимается заря новой эры, мы исполнены решимости расширять и укреплять дружественные отношения и сотрудничество между государствами Европы, Соединенными Штатами Америки и Канадой, а также способствовать дружбе между нашими народами» [12, с. 4], оказалось преждевременным.

При рассмотрении вариантов принудительной коррекции политики региональных акторов единственным положением, не подвергшимся пересмотру великими державами, является заявление о гарантиях безопасности государствам, не обладающим ядерным оружием. В случае ядерного нападения или угрозы такого нападения постоянные члены Совет Безопасности должны немедленно действовать для отражения агрессии [13], [14]. В договоре о нераспространении ядерного оружия имплицитно присутствует уверенность, что члены «ядерного клуба» не будут применять его по отношению друг к другу. Именно отсутствие возможности одностороннего выигрыша при его применении позволяет ядерным державам действовать сообща по отношению к странам не входящим в «ядерный клуб». Для неядерных государств стимулом, мотивирующим их обладать ядерным оружием, является увеличение гарантий национальной безопасности и повышение регионально статуса. Дополнительным аргументом в целесообразности ЯО может служить прецедент Ливии, которая отказалась от ядерной программы в 2003 г. Для великих держав перспектива увеличения обладающих ЯО стран означает экспоненциальный рост факторов риска, что в обозримом будущем делает его применение почти гарантированным. Поэтому прагматические соображения национальной безопасности служат объединительным мотивом для совместных действий, несмотря на любые противоречия между великими державами.

Официально ядерными державами считаются страны, которые испытали ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г. Парадокс заключается в том, что наличие ядерного оружия не означает получение официального статуса ядерной державы. Это вносит коррективы во взаимодействие великой державы с государствами, обладающими ядерным потенциалом. Примером могут служить Индия и Пакистан. Вялотекущий двусторонний конфликт между этими странами при обострении может привести к применению ядерного оружия, так как предугадать стечение обстоятельств невозможно. Попытка санкционного давления со стороны США оказалась неэффективной, поэтому очень быстро по геополитическим соображениям был утвержден режим стратегического партнерства. Фактически было продемонстрировано, что региональные акторы имеют право на самостоятельную политику. Даже по отношению к стране, которая не может претендовать на роль региональной державы, меры воздействия оказываются недостаточно убедительными. «Незаконное» ядерное государство Северная Корея подтверждает сказанное. Если отбросить пропагандистскую риторику, то, как справедливо отмечает Ян Бонд, в 2007–2012 гг. занимавший должность главы внешней политики и политики безопасности Британского посольства в Вашингтоне, «если

бы Вашингтон обладал приемлемым военным вариантом для изъятия ядерной программы у Северной Кореи, он использовал бы его до того, как Север получил эффективное ядерное устройство. ...Сейчас у мира нет выбора, кроме как жить с ядерной вооруженной Северной Кореей, пытаясь предотвратить ухудшение ситуации. Это означает защиту режима нераспространения, предотвращения конфликтов и уменьшения риска случайной ядерной войны» [15]. А в случае, если у Израиля, который не подтверждает, но и не отрицает наличие ЯО, докажут существование его, разговор о санкциях вообще вряд ли возникнет.

Перспективы взаимоотношений между великими державами и их влияние на ход мировой истории как в долгосрочном, так и в среднесрочном прогнозировании не могут быть определены с точностью, позволяющей надеяться на однозначное выполнение предложенных сценариев. Для подобных прогнозов существует высокий уровень неопределенности. Аналогичная стратегическая неопределенность характерна так же для всей мировой политики и системы мирового экономического развития в целом. На динамику взаимоотношений могут оказывать влияние события, связанные с субъективными факторами, когда действия акторов вследствие возросших геополитических амбиций будут кардинально менять расстановку в системе политических взаимодействий. Резкое негативное изменение функционирования мировой или региональной экономики тоже заставит пересмотреть характер взаимодействия внутри системы отношений великих держав. Причем, изменение отношений не обязательно может быть связано с усилением конфронтации. Можно рассматривать только наиболее вероятные с позиции текущей расстановки сил варианты развития.

Можно констатировать, что «Концерта великих держав» по аналогии с «Европейским концертом» в ближайшие десятилетие достичь не удастся. Принципиальные расхождения во взглядах на геополитические сценарии мирового развития будут определять лишь степень усиления или ослабления конфронтации между великими державами. Также следует учитывать, что степень поддержки США со стороны их союзников не является абсолютной. Европейский союз не является в прямом смысле этого слова вассалом США, следовательно, он будет отстаивать свои интересы, исходя прежде всего из принципа экономической и политической целесообразности (на уровне Европейского совета или на уровне ведущих стран ЕС).

Способность контролировать действия великих держав извне посредством резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, даже если в результате гипотетического реформирования ООН они будут носить характер, обязательный к выполнению, относится к области практически неосуществимых проектов, не связанных с реальностью. Желание ограничить право вето постоянных членов СБ ООН аргументируется тем, что решения Генеральной Ассамблеи не являются обязательными к выполнению и по существу являются лишь декларацией о намерениях. Решения СБ ООН наоборот имеют силу правового акта, обязательного к исполнению всеми странами. Письмо с предложением Франции и Мексики о возможности добровольного отказа от права вето поддержали к концу сентября 2017 г. 114 стран. Призыв к самоограничению обосновывается необходимостью применения безотлагательных срочных мер для пресечения массовых правонарушений. Категорически против изменения устава ООН выступили Россия, Китай и США. Предполагаемые тактические выигрыши, связанные с возможностью манипулирования количеством голосов в Генеральной Ассамблее, в итоге приведут к ситуации, когда взаимный контроль и взаимное сдерживание между великими державами станут невозможными. Как результат существование самого института ООН может постигнуть участь Лиги Наций. В этом случае о сколько-нибудь общепризнанном международном праве можно забыть.

Курс на конфронтацию между США и Россией по прогнозам будет носить продолжительный характер. Помимо всего прочего это объясняется минимальными для Вашингтона экономическими издержками. Вместе с тем снижение уровня противостояния России и США можно осуществить, как предлагает Грэм Аллисон, занимавший должность советником министра обороны при президенте Рейгане и заместителя министра обороны при президенте Клинтоне, путем возвращения к нормам сотрудничества времен холодной войны. Обоснование для улучшения отношений исключительно прагматическое: «Технологии по сути превратили Россию в невыносимого, но неизбежного сиамского близнеца Америки. Стратегическая реальность внушает еще больший ужас. Какой бы дьявольской разрушительной, хитрой и заслуживающей удивления Россия не была, грубый факт в том, что мы не можем убить эту сволочь, не совершив самоубийства» [16].

В целом взаимоотношения России со странами Запада при наличии конфликтов разной степени интенсивности будет происходить в форме заключения тактически устраивающих обе стороны договоренностей в ситуациях, когда национальные интересы более или менее совпадают. Между странами, входящими в ЕС, нет монолитного единства по всем вопросам, что позволяет осуществлять дифференцированную политику, основанную прежде всего на экономически выгодных проектах и использующую внутренние противоречия в самом блоке.

Единая позиция по вопросам дальнейшего нераспространения ядерного оружия будет служить платформой для совместного сотрудничества великих держав. В данном случае разногласия между ними не будут иметь значения, так как решение этой проблемы напрямую оказывает влияние на уровень национальной безопасности каждой их стран.

Совместные действия на мировой арене по предотвращению появления или зачистке территорий, которые находятся под контролем террористических псевдогосударств, также могут быть объединяющим фактором в нахождении компромиссов между великими державами. В случае, когда такие компромиссы непосредственно не угрожают какой-либо из стран, возможны договоренности, блокирующие использование подобных формирований для смены негодных по политическим соображениям легитимных режимов.

Безальтернативная гегемония США при решении международных проблем не сможет быть воспроизведена из-за кардинального изменения расклада на мировой арене. Изменившиеся обстоятельства обусловлены рядом причин.

Во-первых, это позиция великих держав. Со стороны России еще в 2009 г. в Стратегии национальной безопасности было указано, что «Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX в. ... восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений» [17]. Позиция Китая тоже выражена предельно отчетливо. Министр иностранных дел КНР Ван И, подводя итог внешней политике Китая в 2016 г. подчеркивал, что «Китай более зрелым и устойчивым темпом приблизился к центру мировой арены и стал стабилизатором в этом хаосе, положительной силой в переменчивой ситуации» [18].

Во-вторых, существуют ограничения, которые определяют возможности воздействовать на внутреннюю и внешнюю политику стран, обладающих ядерным оружием, но не входящих в официальный «ядерный клуб».

В-третьих, возрастает роль региональных акторов, формирующих свои зоны влияния. Осуществление полного контроля над региональной геополитикой становится невозможным из-за непропорциональных затрат материальных и политических ресурсов с возможной выго-

дой при интервенционистской стратегии воздействия. Сдвиг в сторону полицентричности как раз объективно показывает расширение сферы влияния региональных акторов. Эти тенденции исключают безусловное доминирование великих держав на территориях, которые в их понимании входят в зону их ответственности.

В данных обстоятельствах Россия может выполнять роль модератора, сглаживая имеющиеся противоречия или, по крайней мере, не допуская их обострения до состояния силового конфликта. Характер противоречий между некоторыми странами не позволяет надеяться на их разрешение в обозримом будущем, так как они обусловлены социокультурной консолидацией внутри общества, основанной на жестких идеологических установках. Применительно к организациям ШОС и БРИКС, где Россия не является непосредственной стороной внутренних конфликтных отношений между некоторыми государствами, осуществление таких функций будет способствовать усилению ее положения в иерархической системе международных взаимоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Remarks by the President at the United States Military Academy Commencement Ceremony. May 28, 2014 // The White House. President Barack Obama. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/05/28/remarks-president-united-states-military-academy-commencement-ceremony> (дата обращения: 20.08.2017).

2. Участие Европейского союза в работе Организации Объединенных Наций. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 3 мая 2011 г. ООН. Официальный сайт. Доклад ООН A/RES/65/276. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/529/12/pdf/N1052912.pdf?OpenElement> (дата обращения: 29.08.2017).

3. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о текущей ситуации в мире и важных международных проблемах. 4 июля 2017 г. // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5219> (дата обращения: 30.08.2017).

4. Си Цзиньпин: развитие и укрепление китайско-российских отношений – стратегический выбор двух государств // CCTV News. URL: <http://russian.cctv.com/2017/05/15/ARTIVtSI0IJQBE7mQu3RNuJt170515.shtml> (дата обращения: 22.08.2017).

5. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о текущей ситуации в мире и важных международных проблемах. Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5219> (дата обращения: 30.08.2017).

6. Выполнение обязанности защищать. Доклад Генерального секретаря. 12 января 2009 г. ООН. Официальный сайт. Док. ООН. A/63/677. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/63/677&referer=http://www.un.org/en/preventgenocide/rwanda/about/bgresponsibility.shtml&Lang=R (дата обращения: 19.08.2017).

7. Резолюция 1973 (2011). ООН. Официальный сайт. Доклад ООН S/RES/1973. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/41/pdf/N1126841.pdf?OpenElement> (дата обращения: 19.08.2017).

8. Справочная информация: ответственность по защите. ООН. Официальный сайт. URL: <http://www.un.org/ru/preventgenocide/rwanda/bgresponsibility.shtml> (дата обращения: 17.08.2017).

9. Merry R. W. Stop Poking the Russian Bear // The National Interest. Sept.–Oct. 2017. URL: <http://nationalinterest.org/feature/stop-poking-the-russian-bear-21956> (дата обращения: 26.10.2017).

10. Brands H., Edelman E.. America and the Geopolitics of Upheaval // The National Interest. July–Aug. 2017. URL: <http://nationalinterest.org/feature/america-the-geopolitics-upheaval-21258?page=2> (дата обращения: 11.09.2017).

11. Си Цзиньпин: единство БРИКС обеспечит более справедливый мировой порядок. ТАСС. Официальный сайт. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4529001> (дата обращения: 06.09.2017).

12. Парижская Хартия для Новой Европы. Париж. 19–21 ноября 1990 г. ОБСЕ Организация по безопасности и Сотрудничеству в Европе. Официальный сайт. URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39520?download=true> (дата обращения: 10.09.2017).

13. Договор о нераспространении ядерного оружия. Резолюция 2373 от 12.06.1968 г. ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/240/75/IMG/NR024075.pdf?OpenElement> (дата обращения: 25.08.2017).

14. Письмо постоянных представителей Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик от 12 июня 1968 г. на имя Председателя Совета Безопасности S/8630 URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N68/136/12/PDF/N6813612.pdf?OpenElement> (дата обращения: 25.08.2017).

15. Bond Ian. Can the world live with North Korea's bomb? // Cer Bulletin. Issue 116. Oct.–Nov. 2017. URL: <http://www.cer.eu/publications/archive/bulletin-article/2017/can-world-live-north-koreas-bomb> (дата обращения: 23.10.2017).

16. Graham Allison. America and Russia: Back to Basics // The National Interest. Sept.–Oct. 2017. URL: <http://nationalinterest.org/feature/america-russia-back-basics-21901> (дата обращения: 25.09.2017).

17. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/29277> (дата обращения: 22.08.2017).

18. Министр иностранных дел КНР Ван И о внешней политике Китая в 2016 году. Женьминь Жибао. 23.12.2016. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/1223/c95181-9158668.html> (дата обращения: 20.08.2017).

R. V. Fedorov, L. A. Pafomova
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

GEOPOLITICAL PARADIGMS: THE RELATIONSHIP OF ACTORS IN THE FORMATION OF POLYCENTRICISM

The article discusses the significance of geopolitical paradigms and their implementation by main actors in global politics in the transition from a unipolar to a polycentric world. The system of relations between the «great powers» is analyzed, their content and significance in the world politics of today. The authors substantiate the position that in the context of confrontational opposition, the priority of polycentricity allows in the historical perspective to take into account not only their own interests, but also the interests of regional actors. The characteristics of the status quo in the world and the place of Russia in it are given. It is shown that the conceptual provision of the interaction principles between the main actors in world politics gains not only theoretical but also practical importance in the process of formation and organization of geopolitical space.

A polycentric world, «great powers», geopolitical interests, geopolitical paradigms, international relations, strategy